

УДК 81-119

ПИСЬМА ФРОНТОВИКОВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

К.А. Старостин

В статье на основе обзора публикаций, посвящённых лингвистическому исследованию фронтовых писем, делается вывод о том, что ученые-лингвисты изучали эту разновидность эпистолярных текстов преимущественно в жанроведческом аспекте, а также в лингвоперсонологическом, лингвокультурологическом и др. аспектах. Изучение личности фронтовика-комбатанта представляется автору актуальным, поскольку помогает понять психологию солдата, что может оказаться значимым в свете ведущихся в мире «горячих» и «холодных» войн. С целью сопоставления наблюдений ученых над спецификой фронтовых писем комбатантов Первой мировой войны и Великой Отечественной войны автор статьи привлекает суждения некоторых специалистов в области истории, способствующие осмыслению жанра письма с фронта. Намечаются перспективы дальнейшего изучения этого жанра.

Ключевые слова и фразы: речевой жанр; модель речевого жанра; фронтовое письмо; языковая личность фронтовика.

THE LETTERS OF WAR VETERANS AS THE OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

К.А. Starostin

The article is based on the review of publications devoted to the linguistic study of wartime letters. It was concluded that linguistic scholars have examined this kind of epistolary texts mainly on the basis of such linguistic aspects as: genre, personality, culturology etc. The author considers the study of the personality of a soldier-combatant as rather relevant, due to the fact that it helps to understand his psychology, which may be significant in light of the ongoing developments in the world of "hot" and "cold" wars. In order to compare the observations of scientists on the specifics of the wartime letters of combatants of the World War I and the Great Patriotic War, the author uses the judgments of several experts in the field of history, which contribute to understanding of the front letter's genre. There is a prospect of further study of this genre.

Key words and phrases: speech genre; speech genre model; letters from the front.; veteran's linguistic personality.

Фронтовые письма участников войн интересуют исследователей разных областей, преимущественно истории, социологии, психологии и культурологии, в последние годы – лингвистики и литературоведения. Представим краткий обзор тех немногочисленных лингвистических работ (Т.П. Сухотериной, Н.А. Купиной, С.М. Треблер, Ю.А. Завьяловой и нек. др.), которые посвящены исследованию фронтовых писем, причем постараемся сопоставить наблюдения ученых о специфике фронтовых писем времен Первой мировой

войны и Великой Отечественной войны (2-4 периоды Второй мировой войны). В качестве дополнительного источника привлечем отдельные работы в области истории, в которых имеются значимые для лингвиста наблюдения о специфике речевого жанра письма с фронта.

Анализ публикаций показывает, что **фронтовые письма наиболее изучены в жанроведческом аспекте**. Большой вклад в их исследование внесли работы Т.П. Сухотериной, в которых жанровые особенности фронтовых писем описаны на основе коммуникативно-семиотической модели анализа текстов естественной русской речи. В эту модель, помимо компонентов анкеты речевых жанров, предложенной Т.В. Шмелёвой (коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого, фактор будущего и формальная организация [Шмелёва 1990]), входят такие признаки: орудие и средство создания знака (текста), его материальный субстрат и расположение, графико-пространственные характеристики, коммуникативная среда, коммуникативное время, ход коммуникации и социальная оценка. Осуществим намеченное сопоставление на тех компонентах коммуникативно-семиотической модели анализа текстов, которые нам кажутся для этого наиболее значимыми.

Коммуникативная среда. Т.П. Сухотерина в статье «Фронтовое письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны» отмечает, что *война* (военные действия) как среда коммуникации является доминантным признаком жанра «фронтовое письмо», поскольку детерминирует остальные признаки: характеристику автора, диктумно-модусное содержание, наличие потенциального адресата и др. [Сухотерина 2015: 217]. Для данного жанра, рассматриваемого в социолингвистическом аспекте, характерно, по наблюдению исследователя, сочетание признаков персонального (лично-ориентированного) типа дискурса (поскольку «автор проявляет себя как языковая личность со всем богатством внутреннего мира») и дискурса институционального (так как «автор выступает представителем социального института»). Но преобладающим для фронтового письма является персональный (лично-ориентированный) тип дискурса. В то же время персональный дискурс, как пишет Т.П. Сухотерина, может быть назван бытовым, так как при помощи фронтового письма осуществляется общение между хорошо знакомыми людьми. Это общение «сводится к поддержанию контакта и передаче информации о себе, об условиях, в которых находится автор в момент написания письма, о проблемах, которые его волнуют и т. п.»; «для фронтового письма бытового дискурса характерна разговорная речь, спонтанность, влияние ситуации» [Там же: 218]. Все эти наблюдения о коммуникативной

среде жанра «фронтовое письмо» Т.П. Сухотериной касаются писем фронтовиков периода Великой Отечественной войны.

Можно предположить, что для писем фронтовиков периода Первой мировой войны персональный дискурс также является преобладающим: на бумаге фиксировалось то, что могло быть сказано при личной встрече, ведь «благодаря этой условной возможности “устно” пообщаться со своими корреспондентами фронтовая переписка приобретала для солдат особый ценностный смысл» [Иванов 2008: 79]. Таким образом, письма были важнейшим информационно-коммуникационным каналом, который способствовал созданию своеобразного эффекта присутствия близких людей и поддержке в определенной степени душевного спокойствия во время войны.

Коммуникативная цель – функции письма (функционально-целевой параметр).

Т.П. Сухотерина в статье «Фронтовое письмо как жанр естественной письменной русской речи» выделяет следующие функции, которые выполняют фронтовые письма времен Великой Отечественной войны: *коммуникативная* (функция общения), *информативная* (сообщение адресату какой-либо информации), *мемориальная* (документальная хроника событий) [Сухотерина 2014б].

Письма как зачастую единственный в те времена источник коммуникации «приносят душевный покой, помогают установить и укрепить духовную связь между людьми в тяжелые годы Великой Отечественной войны» [Сухотерина 2015: 216]. Таким образом, помимо названных функций, можно говорить о *здоровьесохраняющей* функции (этот термин заимствован нами из книги [Шаховский 2016: 27]) фронтового письма: процесс написания писем позволял фронтовикам хотя бы на время забыть о военных действиях и переживаниях, связанных с ними, мысленно перенестись к родным и близким, чувствовать единение с ними.

Заметим, что названные функции свойственны фронтовым письмам времён Первой мировой войны. А.Ю. Иванов в статье «Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации» отмечает, что функции фронтовой эпистолии (как и любой иной) не сводятся только к передаче информации: «В начале XX в. частная переписка наряду с событийной информацией содержит размышления и переживания ее создателя. <...> Возникла ситуация, когда человек все меньше и меньше доверяет бумаге, во многом скрывая свои подлинные мысли. В письмах начинают появляться описания природы, что косвенно отражало настроение человека. Появлялись способы описания жизни в текстах писем, которые без употребления прямо указывающих на смысл слов все же

передавали информацию. Возникает система специфически выраженных индивидуальных эпистолярных кодов, известных исключительно конкретным адресату и адресанту» [Иванов 2008: 78]. А.Ю. Иванов делает вывод, что если до войны письма в основном преследовали личностно-интимные цели, то в период войны «социальное функционирование частных писем напрямую связано с передачей какой-либо информации, не имеющей интимно-личностного значения» [Там же]. Отражение настроений, переживаний можно считать *экспрессивной* функцией фронтового письма, а сокрытие истинных мыслей фронтовика – *конспирологической* функцией.

А.Ю. Иванов пишет также о том, что написание писем в эпоху Первой мировой войны – это в определенном смысле привычка, что «процесс создания письма для фронтовика становится непременным этапом *усвоения человеческого опыта и одним из основных способов его передачи*» (выделено нами. – К.С.), что можно рассматривать в качестве еще одной функции жанра [Там же].

По мнению исследователя, функции фронтового письма могут быть систематизированы на основе модели коммуникативного акта: адресанту соответствует *эмотивная (экспрессивная)* функция; контексту – *коммуникативная*, т.е. *референтивная, денотативная* или *когнитивная*; сообщению – *поэтическая*; контакту – *фактическая*; коду – *метаязыковая*; адресату – *апеллятивная*, или *конативная*. Причем, «природа эпистолярных инвариантов соответственно может зависеть от того, какой тип коммуникации и какие функции преобладают в конкретном фронтовом письме» [Иванов 2008: 79]. Наиболее четко выраженной А.Ю. Иванов считает экспрессивную функцию, которую он понимает как «самоописание, самоосмысление и самовыражение личности фронтовика» [Там же]. Думаем, что названные функции характерны для фронтового письма в целом, т.е. независимо от того, в период какой войны оно было написано.

Образ автора. Автором фронтового письма является лицо, которое входило в состав вооружённых сил и находилось на фронте, т.е. на той стороне расположения боевых войск, которая обращена к противнику.

Т.П. Сухотерина предлагает несколько типологий авторов фронтовых писем времён Великой Отечественной войны, которые, как мы полагаем, могут быть применимы и к авторам Первой мировой войны:

- 1) моноавтор (автор – одно лицо) / полиавтор (автором является не одно лицо);
- 2) автор-скриптор (для него не характерна поэтизация происходящих событий) / автор креативного типа (встречается приукрашивание событий);

3) открытый / закрытый автор (исследователь отмечает, что «по типу коммуникации автор фронтового письма представляется как закрытый. Фронтовые письма помещаются либо в конверт, либо сворачиваются в треугольники» [Сухотерина 2014б: 250]);

4) автор эмоциональный (характерна эмоциональная лексика) / автор безэмоционального типа (отсутствие эмоционально-оценочных средств);

5) эксплицированный (автор выражен при помощи языковых средств, имеется подпись) / неэксплицированный (автор не назван) [Там же].

Предложенные типологии позволяют охарактеризовать конкретного автора фронтового письма с разных сторон и могут использоваться в процессе анализа писем с фронта разных эпох, т.е. отличаются универсальностью.

Внесем некоторую поправку в осмысление «открытого» и «закрытого» автора. Из приведенной выше цитаты можно заключить, что автор фронтовых писем – это автор закрытого типа, хотя лучше говорить не об авторе, а о тексте закрытого типа. Причем если тип письма выделять по критерию возможности его прочтения другим человеком без каких-либо усилий, то конверт и треугольник в этом отношении различаются: конверт заклеивается, а треугольник нет. Поэтому текст писем-треугольников не может по этому критерию считаться закрытым, ведь любой человек, в чьи руки попадало подобное послание, мог прочитать его при желании. Письма с фронта Первой мировой войны могут также подразделяться на два названных типа. Об этом свидетельствуют факты, представленные в работе Э. Абдрашитова «Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации»: «Письма военнопленных-подданных на родину были представлены двумя вариантами: собственно письмо, обязательным внешним атрибутом которого является конверт, и письмо-открытка (открытое письмо)» [Абдрашитов 2012: 31].

Образ адресата. Адресат фронтового письма времён Великой отечественной войны характеризуется как «избранный читатель, на которого ориентируется и к которому непосредственно обращается автор» [Сухотерина 2014б: 250]. Сказанное характерно и для адресата писем с фронта Первой мировой войны. Поэтому типология адресата, предложенная Т.П. Сухотериной, в определенной степени универсальна:

1) моноадресат (адресат – один) / полиадресат (письмо адресовано сразу нескольким лицам);

2) свой (близкий человек) / чужой (посторонний для автора человек, с которым он вступает в контакт);

3) эксплицированный (адресат назван) / неэксплицированный (адресат скрыт) [Сухотерина 2014б: 250].

Т.П. Сухотерина отмечает, что во фронтовых письмах можно выделить и свидетеля речевого общения, «потенциального читателя» – «*нададресата*» (этот термин заимствован исследователем из книги М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров»). Она пишет: «Элементом среды коммуникации во фронтовых письмах может являться военная цензура. Некоторые строчки фронтовых писем, в которых содержалась важная информация (не для распространения), зачёркивались, а на таком письме (треугольнике или конверте) ставился штамп, например: “ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой АМ/37”» [Там же]. Таким образом, в качестве «нададресата» выступал цензор.

Историки отмечают существование цензуры и в Первую мировую войну. В работе С.В. Казаковцева «Отражение Первой мировой войны во фронтовых письмах её вятских участников» есть упоминание о двух категориях писем, выделявшихся цензурой: письма «угнетенные» (по психологическому состоянию их авторов) и «письма бодрые». Эта типология заимствована, как отмечает сам исследователь, из статьи В.Л. Дьячкова и Л.Г. Протасова «Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия», размещённой в сборнике материалов международного коллоквиума «Россия и первая мировая война». Отмечается, что те письма, на которые цензура не обратила внимания, «не сохранились, либо найти их крайне затруднительно» [Казаковцев 2006: 122].

Исследователем Э.Е. Абдрашитовым в статье «Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации» отмечается, что в письмах иногда использовался метод точечной кодировки – автор ставил над некоторыми буквами письма точки, для нададресата «они могли показаться особенностями орфографического стиля писавшего» [Абдрашитов 2012: 35]. Однако из помеченных букв можно было составить не только слова, но и смысловые предложения. Когда цензура узнала про подобный метод кодировки, военнопленные усложнили его: «в первом письме указывали последовательность считывания, – каждая третья точка. А в последующих письмах уже вставлялся смысловой наполнитель. Человек, не знающий последовательности считывания, не мог понять написанного. Однако цензоры поступали проще – они не пропускали все такие письма» [Там же].

Диктум. Авторы фронтовых писем – участников Великой Отечественной войны – интересовали «самые мелкие бытовые подробности жизни родных и близких вдали от линии фронта, жизнь, люди, по которым они тосковали и за которых беспокоились, им они

передавали многочисленные приветы» [Сухотерина 2015: 218]. Многообразие тем, затронутых в одном письме, исследователями отмечается как следствие того, что «у автора-солдата не было возможности писать много и часто» [Там же: 221]. Именно поэтому фронтовики и стараются уместить в одном письме всю ту информацию, которую им бы хотелось передать родным, близким, друзьям. Т.П. Сухотерина выделяет следующие темы фронтовых писем: семья, любовь, фронтовая повседневность, информация о материальном, нравственном и психологическом состоянии, патриотизм, Родина и др. Исследователем отмечается, что из-за военной цензуры фактически отсутствовали какие-либо письменные упоминания, касающиеся дислокации войск, положения дел на фронте [Там же].

Отдельная тема фронтовых писем, датированных периодом Великой Отечественной войны, – это любовь. В работе А.Г. Белова «Фронтовые письма о любви» представлены трогательные фрагменты переписки, рассказывающие о взаимоотношениях молодых людей во время войны. Душевные переживания, чувства и эмоции авторов писем позволяют фактически пережить ту горечь расставания, моменты одиночества и тоски по любимому человеку. Именно это отчасти позволяет дать характеристику образу автора, раскрыть его картину мира [Белов 2015].

С.В. Казаковцев пишет, что солдатские письма Первой мировой войны отражали помимо фактов, свидетельствующих о неподготовленности Российской Империи к продолжительным военным действиям, ещё и недовольство произволом, тягу к справедливости, апатию, чувство безысходности, обречённость [Казаковцев 2006: 124–125]. Подобные настроения не свойственны большинству авторов писем фронтовиков Великой Отечественной войны (см., например [Махиева, Кучмезова 2015: 145]).

Фактор прошлого и фактор будущего. Т.П. Сухотерина пишет, что многие фронтовики времён Великой отечественной войны выступали в своих письмах фактически летописцами, подробно расписывая и анализируя военные действия. В текстах фронтовых писем содержится также важная информация о событиях, людях, о фронтовой повседневности [Сухотерина 2014б: 251].

По мнению А.Ю. Иванова, в тексте письма представлено несовпадение временных пластов отправителя (автора) и получающего (адресата). Это объясняется тем, что «если рассматривать статус сообщения с точки зрения адресанта, момент описываемого для него находится в прошлом, продолженном в настоящем написании письма, момент же восприятия – в будущем» [Иванов 2008: 80]. Для адресата же все события относятся к прошлому, а

момент прочтения письма – к настоящему. Происходит «совмещение настоящего двух эпистолярных субъектов» [Иванов 2008: 80].

Формальная организация. Чем определённое адресованность письма, тем «разнообразнее и богаче формы встраивания голоса адресата в ткань речи автора письма (цитаты, перифразы, каламбуры, стиховые вставки и т.д.)» [Там же]. Исследователь А.Ю. Иванов также отмечает нарастание интертекстуальности писем, говорит о появлении определённых мотивов, образов, словосочетаний, интонации, размеров и рифмовок, которые свойственны для разных писем одного автора.

Паралингвистические средства писем времён Великой Отечественной войны (дополнительные тексты, надписи, иллюстрации и т.д.), типичную композиционную структуру писем подробно описывает Т.П. Сухотерина. Она пишет, что в структуру писем входят следующие компоненты:

- 1) обращение к адресату (индивидуальному или коллективному);
- 2) сообщение о состоянии адресанта;
- 3) многочисленные приветия;
- 4) бытовые просьбы и предложения от себя;
- 5) пожелания получения ответа и т.д. [Сухотерина 2015: 221].

Согласно выводам С.В. Казаковцева, значительная часть писем участников Первой мировой войны начиналась со слов приветствия, «нередко пленный интересовался здоровьем жен братьев, мужей сестер, их детей, жизнью соседей, людей из других деревень. Снабженные красочными эпитетами приветствия, пожелания здоровья перетекали в выяснение всхожести посевов либо урожая» [Казаковцев 2006: 128]. Таким образом, можно отметить, что в аспекте формальной организации письма фронтовиков двух эпох имеют определенные сходства.

Стоит отметить, что фронтовые письма солдат Первой мировой войны «составлялись с использованием письмовников – специальных образцов писем для любимых, друзей, родных и близких» [Иванов 2008: 78]. Именно письмовник определял структуру (композицию) письма, в какой-то мере влиял на речевые особенности. По факту, оригинальность и самостоятельность писем зависели от того, «насколько фронтовик использовал образец письмовника» [Там же].

Графико-пространственные характеристики письма. Рассмотрев письмо в аспекте графической формы организации текста, Т.П. Сухотерина сделала вывод, что «субстратом фронтового письма является тетрадный лист бумаги, простой лист бумаги» [Сухотерина

2014а: 418]. В ее публикациях даётся описание конвертов и почтовых марок, почерка. По мнению исследователя, «всестороннее изучение графико-пространственного оформления фронтового письма позволит при дальнейшем исследовании обнаружить индивидуально-авторские, жанровые характеристики письменно-речевой личности и расширить типологию авторов» [Там же].

В исследованиях, посвящённых письмам Первой мировой войны, встречается упоминание графико-пространственных характеристик только писем военнопленных; они представляли собой «собственно письмо, обязательным внешним атрибутом которого является конверт, и письмо-открытка (открытое письмо)» [Абдрашитов 2012: 31]. Послания, находившиеся в конвертах, описываются следующим образом: «...лист или несколько исписанных листов хорошей бумаги (если позволяли средства) или бумаги плохого качества “местной лагерной” бумаги. На первом листе стоит штамп на национальном языке: “Проверено”». Ручек пленным иметь не полагалось. Многие покупали за свой счет или писали карандашом» [Там же]. Графико-пространственные характеристики писем фронтовиков двух эпох совпадают по многим параметрам: начиная от субстрата, заканчивая формой отправки (конверт и треугольник).

Коммуникативное время. Информация о временном отрезке между созданием текста письма и его восприятием фактически отсутствует в научных трудах. Мы предполагаем, что и в одну, и в другую эпохи это было долгосрочное коммуникативное время. Подобный вывод сделан благодаря учёту следующих параметров: участие в переписке надресата, обширная территория, на которой велись войны, не всегда стабильная работа полевой почты. Подобному заключению свидетельствуют и выборочные цитаты из писем фронтовиков, представленные в работе Т.П. Сухотериной: «Если долго не будет письма, не беспокойтесь», «Прошу смилуйтесь над вашим сыном и пишите часто и подробно о себя» (эти примеры заимствованы исследователем из источника «Душа солдата в письмах дышит», некогда представленном в сети Интернет).

Ход коммуникации. Стоит отметить, что на прерывистость хода коммуникации также влияют приведённые выше параметры: участие в переписке надресата, обширная территория, на которой велись войны, не всегда стабильная работа полевой почты. Помимо этого сюда можно включить и неразборчивость некоторых строк, возможные ранения комбатантов, которые на определённые периоды лишали их возможности написания писем.

Таким образом, можно говорить, с одной стороны, об очевидных сходствах фронтовых писем Первой мировой войны и Великой отечественной войны, с другой стороны

– о некоторых их отличительных особенностях, касающихся в первую очередь отражения в текстах душевного состояния русских солдат, их боевой готовности.

Анализ изученной нами литературы позволяет говорить не только о жанровом, но и о **лингвоперсонологическом аспекте изучения фронтовых писем**. Например, С.М. Треблер в работе «Языковая личность учёного-воина в мемуарном тексте» описывает языковой портрет своего отца, доктора экономических наук, профессора М.А. Гендельмана, принимавшего участие в Великой Отечественной войне [Треблер 2015].

Лингвистов интересуют фронтовые письма как русских, так и немецких солдат. Например, в работе Н.А. Купиной «Заложники идеологического авантюризма: испытание войной», посвященной изучению тоталитарного языка Третьего рейха, дается характеристика конкретного типа солдата – ученого-воина. Исследователь рассматривает идеологемы (превосходства, жертвенности, единодушия и др.) в письмах с Восточного фронта немецкого лейтенанта Йоханнеса Баара, адресованных родителям и невесте. Подробно рассматривается образ автора – умного и мужественного молодого человека, в сознании которого происходит идеологическая трансформация, позволившая ему в послевоенные годы способствовать распространению русского языка и формированию диалога между Германией и Россией [Купина 2014: 58].

В **диалектологическом аспекте** фронтовое письмо рассматривается, например, Л.Х. Махиевой и Л.Б. Кучмезовой [2015]. В собранном материале они находят элементы цокающего говора

Лингвокультурологический аспект изучения фронтовых писем представлен в статье Ю.А. Заявьяловой «Анализ фронтовых писем (1941–1945 гг.) в лингвокультурологическом исследовании». Автор ставит цель выявить в письмах с фронта гетеростереотипы о Германии и СССР. Эти стереотипы актуализируются на текстовых фрагментах о природно-климатических условиях стран, военнослужащих и гражданском населении [Завьялова 2016]. Однако в работе, как нам показалось, представлены результаты предварительного исследования, которое еще только начато.

Из приведённого краткого обзора публикаций, посвящённых лингвистическому исследованию фронтовых писем, можно сделать вывод о том, что ученые-лингвисты изучали эту разновидность эпистолярных текстов преимущественно в жанроведческом аспекте, в меньшей степени – в лингвоперсонологическом, лингвокультурологическом и диалектологическом аспектах. Считаем, что на материале фронтовых писем можно составить коллективный портрет фронтовика-комбатанта, чему мы и посвятим наши

дальнейшие публикации. Изучение фронтовых писем в лингвистическом аспекте способствует пониманию психологии комбатантов и чрезвычайно актуальны в свете ведущихся в мире «горячих» и «холодных» войн. На их материале можно проследить функционирование мифологем и идеологем, свойственных советской эпохе. Поэтому исследование фронтовых писем является перспективным в аспекте как лингвоперсонологии, так и лингвистики информационно-психологических войн.

Список литературы

- Абдрашитов Э.Е. Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3. С. 30–35. URL: <http://elibrary.ru/download/56614663.pdf> (дата обращения: 07.11.2016)
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. 752 с.
- Белов А.Г. Фронтовые письма о любви // Тульский краеведческий альманах. 2015. № 12. С. 126–138. URL: <http://elibrary.ru/download/70966927.pdf> (дата обращения: 20.10.2016)
- Завьялова Ю.А. Анализ фронтовых писем (1941–1945 гг.) в лингвокультурологическом исследовании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4–2. С. 161–163. URL: <http://elibrary.ru/download/84842660.pdf> (дата обращения: 07.11.2016)
- Иванов А.Ю. Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 78–81. URL: <http://elibrary.ru/download/18483865.pdf> (дата обращения: 05.10.2016)
- Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой отечественной войны как исторический источник (по материалам республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2009. 249 с.
- Казаковцев С.В. Отражение Первой мировой войны во фронтовых письмах её вятских участниках // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 6. С. 122–131. URL: <http://elibrary.ru/download/86206338.pdf> (дата обращения: 07.11.2016).
- Каляев В. Фронтовые дневники и солдатские письма. URL: <http://odinnadz.blogspot.ru/2012/08/frontovye-dnevnik-i-soldatskie-pisma.html> (дата обращения: 05.10.2016).
- Купина Н.А. Заложники идеологического авантюризма: испытание войной // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 2 (48). С. 55–61. URL: <http://elibrary.ru/download/48333718.pdf> (дата обращения: 06.10.2016)
- Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б. Фронтовые письма – история, величие и трагедия Великой Отечественной войны (1941–1945) // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 70-летию Великой Победы): сб. статей. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. С. 142–158. URL: <http://elibrary.ru/download/84183480.pdf> (дата обращения: 06.10.2016)
- Сухотерина Т.П. Графико-пространственная характеристика жанров естественной письменной речи (на примере жанров «Поздравление» и «Фронтовое письмо») // Мир науки, культуры, образования. 2014 (а). № 6 (49). С. 417–419. URL: <http://elibrary.ru/download/44654672.pdf> (дата обращения: 06.10.2016)
- Сухотерина Т.П. Фронтовое письмо в коммуникативной ситуации Великой отечественной войны // Историческая память молодёжи о Великой отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования. 2015. Алтай. С. 216 – 222. URL: <http://elibrary.ru/download/63869759.pdf> (дата обращения: 06.10.2016)
- Сухотерина Т.П. Фронтовое письмо как жанр естественной письменной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014 (б). № 4. С. 249–251. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frontovoe-pismo-kak-zhanr-estestvennoy-pismennoy-russkoy-rechi> (дата обращения: 06.10.2016)

Треблер С.М. Языковая личность учёного-воина в мемуарном тексте // 70-летие Победы в Великой отечественной войне: современное осмысление. Нижний Новгород, 2015. С. 81–86. URL: <http://elibrary.ru/download/58263986.pdf> (дата обращения: 07.10.2016)

Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32. URL: <https://refdb.ru/look/2627347.html> (дата обращения: 06.10.2016)

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.

References

Abdrashitov E.H.E. Pis'ma voennoplennykh Pervoj mirovoj vojny kak kanal peredachi informatsii [Letters of prisoners of war of World War I as channel of communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. №3. Pp. 30–35. Available at: <http://elibrary.ru/download/56614663.pdf> (accessed 07.11.2016)

Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres]. M.M. Bakhtin. *Sobr. soch.:* v 7 t. M.: Russkie slovari Publ., 1996. T. 5. 752 p.

Belov A.G. Frontovye pis'ma o lyubvi [Front letters on love]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manakh*. 2015. № 12. S. 126–138. Available at: <http://elibrary.ru/download/70966927.pdf> (accessed 20.10.2016)

Zav'yalova YU.A. Analiz frontovykh pisem (1941–1945 gg.) v lingvokul'turologicheskom issledovanii [The analysis of front letters (1941–1945) in a linguoculturological research]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016. № 4–2. Pp. 161–163. Available at: <http://elibrary.ru/download/84842660.pdf> (accessed 07.11.2016)

Ivanov A.YU. Frontovye pis'ma rossijskikh uchastnikov Pervoj mirovoj vojny v kul'turnoj kommunikatsii [Front letters of the Russian participants of World War I in cultural communication]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 4–5. Pp. 78–81. Available at: <http://elibrary.ru/download/18483865.pdf> (accessed 05.10.2016)

Ivanov A.YU. Frontovye pis'ma uchastnikov Velikoj otechestvennoj vojny kak istoricheskij istochnik (po materialam respubliki Tatarstan) [Front letters of participants of the Great Patriotic War as a historical source (on materials of the Republic of Tatarstan)]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09. Kazan', 2009. 249 p.

Kazakovtsev S.V. Otrazhenie Pervoj mirovoj vojny vo frontovykh pis'makh eyo vyatskikh uchastnikakh [Reflection of World War I in front letters its Vyatka participants]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2006. № 6. Pp. 122–131. Available at L: <http://elibrary.ru/download/86206338.pdf> (accessed 07.11.2016).

Kalyaev V. Frontovye dnevniki i soldatskie pis'ma [Front diaries and soldier's letters]. Available at: <http://odinnadz.blogspot.ru/2012/08/frontovye-dnevniki-i-soldatskie-pisma.html> (accessed 05.10.2016).

Kupina N.A. Zalozhniki ideologicheskogo avanturyzma: ispytanie vojnoj [Hostages of ideological adventurism: testing by war]. *Politicheskaya lingvistika*. 2014. Vyp. 2 (48). Pp. 55–61. Available at: <http://elibrary.ru/download/48333718.pdf> (accessed 06.10.2016)

Makhieva L.KH., Kuchmezova L.B. Frontovye pis'ma – istoriya, velichie i tragediya Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Front letters – history, greatness and the tragedy of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Edinstvo narodov Sovetskogo Soyuza – vazhnejshij faktor pobedy v velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (k 70-letiyu Velikoj Pobedy) [Unity of the people of the Soviet Union – the most important factor of a victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (to the 70 anniversary of the Great Victory)]*: sb. statej. *Nal'chik: Kabardino-Balkarskij institut gumanitarnykh issledovanij*. 2015. Pp. 142–158. Available at: <http://elibrary.ru/download/84183480.pdf> (accessed 06.10.2016)

Sukhoterina T.P. Grafiko-prostranstvennaya kharakteristika zhanrov estestvennoj pis'mennoj rechi (na primere zhanrov «Pozdravlenie» i «Frontovoe pis'mo») [Grafiko-prostranstvennaya the characteristic of genres of a natural written language (on the example of genres "Congratulation" and "The front letter")]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014 (a). № 6 (49). Pp. 417–419. Available at: <http://elibrary.ru/download/44654672.pdf> (accessed 06.10.2016)

Sukhoterina T.P. Frontovoe pis'mo v kommunikativnoj situatsii Velikoj otechestvennoj vojny [The front letter in a communicative situation of the Great Patriotic War]. *Istoricheskaya pamyat' molodyozhi o*

Velikoj otechestvennoj vojne: sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie aspekty issledovaniya i formirovaniya [Historical memory of youth of the Great Patriotic War: social and humanitarian and psychology and pedagogical aspects of a research and forming]. 2015. Altaj. Pp. 216–222. Available at: <http://elibrary.ru/download/63869759.pdf> (accessed 06.10.2016)

Sukhoterina T.P. Frontovoe pis'mo kak zhanr estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi [Front letter as genre of the natural written Russian language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014 (b). № 4. Pp. 249–251. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/frontovoe-pismo-kak-zhanr-estestvennoj-pismennoj-russkoj-rechi> (accessed 06.10.2016)

Trebl'er S.M. YAzykovaya lichnost' uchyonogo-voina v memuarom tekste [The language identity of the scientist-soldier in the memoirs text]. *70-letie Pobedy v Velikoj otechestvennoj vojne: sovremennoe osmyslenie* [The 70 anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: modern judgment]. Nizhnij Novgorod, 2015. Pp. 81–86. Available at: <http://elibrary.ru/download/58263986.pdf> (accessed 07.10.2016)

SHmeleva T.V. Rechevoj zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech genre. Possibilities of the description and use in teaching language]. *Russistik. Rusistika. Nauchnyj zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka*. Berlin, 1990. № 2. Pp. 20–32. Available at: <https://refdb.ru/look/2627347.html> (accessed 06.10.2016)

SHakhovskij V.I. Dissonans ehkologichnosti v kommunikativnom krug'e: chelovek, yazyk, ehmotsii (monografiya) [An ecological compatibility dissonance in a communicative circle: person, language, emotions (monograph)]. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2016. 504 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Старостин Константин Александрович, аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: kostyastarostin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Starostin Konstantin Aleksandrovich, Post Graduate Student of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: kostyastarostin@yandex.ru